

Дверь комнаты, казалось, была заперта.

Е Ян испытывал крайне противоречивые чувства. Медленно обернувшись, он посмотрел на Фэн Луаня, безвольно рухнувшего на стол, и мысленно лишь воздал должное невероятной, просто поразительной скорости, с которой Кан Нин предал своего хозяина.

Если не брать в расчет, что этот тиран напился вдребез, начисто выпал из реальности и вполне мог через минуту-другую начать истошно извергать содержимое желудка, стоило вспомнить о тщедушном телосложении самого Юнь Яна — ему бы и то с огромным трудом удалось дотащить Фэн Луаня до постели.

К счастью, Фэн Луань сохранял хоть какие-то зачатки сознания, да и пил на удивление мирно: он просто уткнулся лицом в стол и спал. С большими усилиями дотащив его до кровати, Е Ян облился потом с ног до головы. Уперевшись руками в боки, он окинул взглядом комнату в поисках места для ночлега.

Спальня Фэн Луаня и впрямь выглядела уныло и пусто. Почти никакой утвари, одинокая кровать — ни единого намека на роскошные покои настоящего тирана.

В любом случае, делить ложе с Фэн Луанем он не посмел бы: благосклонность императора к нему упала всего до шестнадцати единиц. Но и занимать кровать в одиночку, оставляя Фэн Луаня спать на полу, Е Ян тоже не решился, так что оставалось лишь смириться со своей участи.

Он расстелил на полу верхнюю одежду, но пол оказался донельзя жестким. Ладно бы только это — полежав немного, Е Ян почувствовал пронизывающий холод, от которого забил озноб. Бросив взгляд на виновника всех бед, который сладко почивал на кровати, он невольно задохнулся от обиды. Решительно поднявшись, Е Ян стянул с постели одеяла, сбросил собственное мешавшееся, громоздкое верхнее платье и швырнул его на кровать со словами: пусть эта собака-император укрывается им вместо одеяла!

Разве у этой собаки-императора слабое здоровье? Ничего подобного, пусть мерзнет! Он вполне заслужил замерзнуть!

Одеяло проклятого императора на ощупь оказалось дорогим — по крайней мере, куда дороже его собственного. Закутавшись в постельные принадлежности и устроившись на полу, Е Ян наконец почувствовал некоторое тепло. Измотанный этим безумным днем, он быстро задремал. Ночь выдалась на редкость беспокойной, и лишь на рассвете, когда за дверью засуетились слуги, перешептываясь между собой, он наконец проснулся.

Снаружи едва забрезжил рассвет, судя по всему, было около шести-семи часов утра. Е Ян протер глаза и зевнул, собираясь сесть и потянуться, как вдруг почувствовал дикую, пронзительную боль в пояснице. Спина окостенела настолько, что он даже не мог разогнуться. Боль заставила его скривиться — казалось, он просто сорвал поясницу из-за неудобной ночевки.

Превозмогая боль и хватаясь за поясницу, он с трудом поднялся, тихонько стонущий голос сам собой сорвался с его губ. В ту же секунду тихие голоса за дверью резко оборвались и стали еще тише. Е Ян уже стоял на ногах; снедаемый любопытством, он приблизился к двери и только собрался толкнуть ее, как неожиданно услышал разговор служанок снаружи.

Кажется, уже проснулся, — произнесла молодая служанка. — Не пора ли позвать главного евнуха Кана?

Не так быстро, — вторая отвечала уверенно, словно обладала огромным опытом. — Разве ты не слышала одно стихотворение?

Она понизила голос еще сильнее, и Е Ян почти прижался к щели в двери, чтобы разобрать их дальнейшую беседу.

Служанка подняла хрупкую, утомленную лаской, лишь когда впервые познала милость государя, — со многозначительным видом произнесла она. — Не забывай, император сегодня пропустил утренний совет.

Е Ян замер:

Что это вообще такое?!

Охваченный яростью, Е Ян резким движением распахнул дверь, до смерти испугав двух шушукавшихся служанок. Обе тут же рухнули на колени. Е Ян отшатнулся от неожиданности, а служанки в унисон затараторили:

Поздравляем Наложника Юнь! Желаем счастья Наложнику Юнь!

Их голоса звучали так слаженно, будто они репетировали это не один раз.

Наложник Юнь изволил подняться?

Гнев Е Яна намертво застрял в горле. Лишь спустя мгновение он кое-как выдавил из себя:

Я... я сам справлюсь.

Служанки переглянулись, словно поняв все по-своему, и одна из них тут же осведомилась:

Не приказать ли подать горячую воду для купания Наложнику Юнь?

Е Ян:

Я...

Вторая тут же добавила:

Если Наложник Юнь уже встал, мы можем войти и убрать постель.

Только тут Е Ян пришел в себя и поспешно остановил их:

Император еще не проснулся.

С этими словами он обернулся и как раз вовремя застал Фэн Луаня: тот сидел на кровати, держась за голову, явно страдая от похмелья. Постель выглядела совершенно расколотой и неопрятной: растрепанные волосы императора падали на плечи, одежда валялась где попало, не говоря уже о сброшенных на пол подушках и одеялах. Картина донельзя красноречиво свидетельствовала об источнике двусмысленных намеков. Выражения лиц служанок тут же приняли странный оттенок. Е Ян совершенно не хотел знать, о чем именно они думают, поэтому лишь сухо улыбнулся Фэн Луаню и произнес:

Ваше Величество, проснулись?

Возможно, из-за тяжелого похмелья Фэн Луань с минуту тупо смотрел на рассветное небо, прежде чем до него наконец дошло происходящее.

Который час? — спросил он.

Служанки снова многозначительно переглянулись, и одна из них ответила:

Ваше Величество, час Мао уже перевалил за середину.

Фэн Луань вздрогнул. Торопливо собираясь встать, он выказал явное недовольство:

Почему вы меня не разбудили?

Обычно он вставал в час Инь, а в час Мао уже всю шел утренний совет. Сегодня он проспал так долго, и никто даже не подумал его разбудить — утренний совет, судя по всему, тоже сорвался. Внутри закипала злость. Не дожидаясь ответа служанок, он гневно бросил:

Где Кан Нин?

Служанки в страхе попадали ниц, не зная, что ответить. Та из них, что постарше, видя, что скрывать больше не имеет смысла, испуганно пролепетала:

Э... ранним утром... командир Шэнь приходил сюда и увел главного евнуха Кана.

Лицо Фэн Луаня помрачнело еще сильнее:

Шэнь Шаохэн?

Служанки дрожали всем телом:

Главный евнух Кан еще сказал, что император редко когда спит так крепко...

Ледяным тоном произнес Фэн Луань:

Безобразие.

Е Ян неловко стоял в стороне, не зная, что и сказать.

Спит крепко? Разве это можно назвать крепким сном?

Фэн Луань был просто мертвецки пьян, и сегодня ему еще предстояло сполна испить чашу расплаты за вчерашнее.

К слову, упомянутого Фэн Луанем Шэнь Шаохэня Е Ян тоже знал: это был младший брат Наложницы Шэнь Шэнь Сяннин, назначенный лично Фэн Луанем командир императорской стражи. В юности он состоял при императоре компаньоном по учебе, а в последующих главах книги играл важнейшую роль в сюжете, когда Фэн Луань вместе с Чу Лянь и остальными отправлялся в инспекционную поездку на юг. Е Ян, попав в этот мир, еще ни разу его не встречал, а потому, услышав это имя впервые, невольно испытал легкое любопытство.

Фэн Луань велел вернуть Кана Нина, а сам тем временем поднялся, чтобы умыться и привести себя в порядок. На утренний совет он опоздал, но государственные дела ждать не могли. Е Ян сидел рядом, преисполненный глубочайших чувств: какой же это тиран? Чистейшей воды добросовестный император, радеющий за народ.

Не успел он пробыть здесь и мгновения, как прибыл императорский лекарь.

Похоже, лекарь навещал императора ежедневно, доставляя ему целебный отвар. Что именно за лекарство это было, Е Ян не знал, но, глядя на черную как смоль жидкость, он невольно вспомнил о том, что Фэн Луань, судя по всему, страдает некой «несостоятельностью».

Поддавшись инстинктивному любопытству к такого рода снадобьям, он не удержался, подошел ближе и поинтересовался:

Что это за лекарство? Эффективное?

Лекарь машинально кивнул и ответил:

Наложник Юнь, это секретный рецепт нашей императорской лечебницы, разумеется, действие превосходное.

Е Ян многозначительно посмотрел на лекаря и тяжело кивнул, показывая, что всё понял.

У Фэн Луаня при недосыпании всегда раскалывалась голова, именно поэтому лекарь каждый день носил ему успокоительное. А сегодня к этому добавилось еще и похмелье — головная боль усилилась многократно, и у императора совершенно не было настроения беседовать с Е Яном. Услышав их диалог, он лишь чуть приподнял веки, даже не поморщившись, и залпом осушил пиалу черного горького отвара.

Е Ян цокнул языком и восхищенно протянул:

Герой. Настоящий герой.

Фэн Луань:

Лекарь же перевел взгляд на Е Яна:

Кстати, раз уж Наложник Юнь здесь, мне не придется лишний раз ходить к вам и доставлять лекарство.

Рана на плече Е Яна уже затянулась, оставив после себя отвратительный шрам. Молодая кожа нарастала, жутко зудя время от времени. Днем это еще удавалось терпеть, но по ночам становилось невыносимо. Последние дни спасала мазь из императорской лечебницы, а сегодня лекарь принес новую — уверяли, что это лучшее средство от шрамов, и если мазать ею пару месяцев, следы полностью исчезнут.

Самому Е Яну было плевать: он привык жить просто и думал, что паре шрамов на мужском теле положено быть. Но теперь все изменилось — он стал наложником императора, и даже если он сам не придавал этому значения, остальные непременно стали бы суетиться за него.

Поблагодарив лекаря, он взял лекарство, намереваясь намазать его позже, но Фэн Луань, посмотрев на него — возможно, испытывая укол совести, — велел лекарю отдать мазь ему и сам вызвался:

Я сделаю это.

Е Ян застыл и поспешно отказался:

Вы же государь, как можно утруждать Ваше Величество!

Но Фэн Луань уже взял баночку с мазью в руки и велел лекарю и остальным временно удалиться. Услышав отказ Е Яна, он слегка приподнял брови — над его головой тут же выскочила плашка с уменьшением благосклонности на единицу. Е Ян тут же принялся распускать одежду и, напустив на себя сухую, вежливую улыбку, проговорил:

Ваше Величество, прошу.

Фэн Луань:

Е Ян скинул одежду, обнажая обмотанное марлей плечо, и медленно размотал повязку. Рана почти затянулась, розовая нежная кожа покрылась слегка изогнутым красным рубцом длиной в три с лишним цуня. Выжженный на белом, точеном плече, он выглядел чужеродно и некрасиво.

Фэн Луаню доводилось видеть куда более страшные увечья, и его они не пугали. Но он знал, что с Юнь Яном всё иначе: до во дворца он слышал, что этого младшего господина из клана Юнь баловали донельзя. И дело было не только в тяжелом ранении — даже от простой занозы на пальце его домочадцы поднимали бы крик. А теперь он пострадал из-за него...

Терзаемый угрызениями совести, Фэн Луань легко коснулся пальцами шрама на плече Е Яна и мягко спросил:

Болит?

Е Ян отшатнулся назад:

Ц, зудит... Нельзя ли чуть побыстрее?

Фэн Луань:

Он набрал подушечкой пальца немного мази и осторожно втер ее в рубец. Хоть он и знал, что рана зажила, рука все равно двигалась предельно деликатно, словно он боялся сделать больно. С ранних лет занимаясь боевыми искусствами, Фэн Луань обзавелся жестковатыми мозолями на подушечках пальцев, и когда они касались спины и плеча Е Яна, странные ощущения заставляли последнего невольно ежиться и уворачиваться.

Ощущения были донельзя странными. Будучи завсегдатаем общественных бань, он не раз терпел на себе жесткие мочалки банщиков, но сейчас все было совершенно иначе. Стоило Фэн

Луаню коснуться его плеча, как вдоль позвоночника пробежала слабость, и Е Ян, испытывая жгучее смущение, отпрянул.

Фэн Луань не понимал причину такой реакции и, решив, что у Юнь Яна все еще зудит, просто перехватил его за запястье:

Не дергайся.

Е Ян замахал свободной рукой, на ходу выдумывая первое попавшееся оправдание:

Ваше Величество, мне щекотно, я лучше сам.

Не успел он договорить, как вторая рука Фэн Луаня легла ему на плечо. От этого прикосновения Е Ян едва заметно вздрогнул, щеки его мгновенно залил густой румянец, а голос упал до шепота:

В... Ваше Величество...

Заикаясь, он пробормотал:

Я... я сам справлюсь.

Что за чертовщина происходит?!

Всего-то нужно намазать мазь! Какого черта у него такая реакция?!

Прежде чем Фэн Луань успел ответить, те самые служанки, что ходили за Каном Нином, вернулись вместе с евнухом и Шэнь Шаохэнем. Заметив, как упрямится Е Ян, император кивнул, поднялся и вышел в боковую залу, чтобы принять Кана и Шэня там.

Лицо Е Яна пылало так, будто к нему приложили раскаленный уголь. Он утешал себя лишь тем, что света еще толком не было, в комнате стоял полумрак, и Фэн Луань вряд ли разглядел его перепуганную физиономию. Похлопав себя по щекам, он внушил себе, что это тело Юнь Яна страдает излишней чувствительностью, а он, Е Ян, здесь абсолютно ни при чем. Поспешно домазав мазь и одевшись, он напустил на себя невозмутимый вид и перебрался в боковую залу, отчаянно желая найти повод удрать отсюда поскорее.

Однако едва он переступил порог, как перед его глазами пролетели осколки чайной чашки — взбешенный Фэн Луань швырнул ее об пол. Слуги попадали на колени, а Кан Нинь отчаянно пытался его усовестить.

Успокойте Ваше Величество, — приговаривал Кан Нин. — Появление столь прямолинейного чиновника — истинное благо для нашей династии...

Какая к чертям собачьей радости благодать, если он несет бред и распускает грязные слухи обо мне! — Фэн Луань схватил исписанный листок меморандума, яростно скомкал его, разорвал и швырнул за дверь. — И еще смеет ссылаться на народные сплетни! Неужели в глазах простолюдинов я выгляжу столь ничтожно?!

Комок бумаги покатился прямо к ногам Е Яна. Тот медленно опустил взгляд и сквозь проступающие сквозь бумагу чернила сумел разобрать обрывки фраз.

Среди народа ходят слухи... тиран... распутный... жестокий... кровавый... ночи напролет... воля небес... покарать...

Е Ян:

Что ж, самое время проявить навыки составления текстов.

Закрыв глаза, он напряг остатки своих познаний в словесности, силясь сложить разрозненные иероглифы в единое целое.

В голове тут же всплыла законченная фраза:

Вроде того: В народе ходят слухи, что этот тиран распутен и беззаконен, жесток и кровожаден, ночи упоительны, а солнце встает высоко, с тех пор монарх не посещает утренних докладов; коль есть небесная справедливость, его ждет неминуемая кара.

Фэн Луань швырнул на пол крышку от уцелевшей доселе пиалы.

Думаешь, я забыл, как он зубоскалил на уроке по «Мэнцю»! — лицо Фэн Луаня побелело от злости. — Я с утра до вечера тружусь на благо государства, с какой стати я тиран?!

Е Ян:

Погодите-ка.

Неужели самооценка этого тирана настолько расходилась с замыслом оригинального автора?

<http://bllate.org/book/26180/3134313>